

Международная миграция в России и в мире: новые тренды и перспективы

Интервью с Ириной Ивахнюк, доктором экономических наук, экспертом Российского совета по международным делам, членом Глобальной ассоциации экспертов по миграционной политике

Ирина Валентиновна Ивахнюк – эксперт в области изучения международной миграции населения и управления ею. Автор монографии «Евразийская миграционная система: теория и политика»¹ и более 80 других научных публикаций и докладов по миграционным проблемам в постсоветском регионе и в мире. В течение более 20 лет занималась исследовательской и преподавательской деятельностью в качестве профессора экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Принимала участие в многочисленных международных исследовательских проектах по миграционной тематике, включая проекты Программы развития ООН (UNDP), Международной организации по миграции (ИОМ), Совета Европы, Европейского университетского института (EUI) и др.

Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала «Международная аналитика»

Сергей Маркедонов: В сентябре 2017 г. Вы опубликовали доклад «Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г.»². За прошедшие шесть лет многое изменилось. На новый виток вышла конфронтация между нашей страной и Западом: в официальных документах государства стали четче звучать мотивы противостояния неоколониализму и гегемонизму США; актуализировались идеи «многополярного мира», стратегического поворота на Восток, сближения с Африкой. В этом контексте какие новые рекомендации к миграционной стратегии Вы предложили бы? Какие идеи из доклада 2017 г. сохранили свою актуальность и требуют неотложной реализации?

Как оценивать новые риски и новые возможности для России в миграционной сфере? Какое значение имеет миграционный фактор для РФ в контексте вооруженного противостояния на Украине, в Закавказье, эскалации насилия на Ближнем Востоке? В какой степени миграционные процессы влияют на повестку евразийский интеграции?

1 Ивахнюк, И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М.: МАКС Пресс, 2008. 192 с.

2 Ивахнюк, И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года // РСМД. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

Ирина Ивахнюк: Действительно, в последние годы мир стремительно меняется. Намечается кардинальная трансформация глобального миропорядка, переформатирование мировой экономической системы, формирование но-

Приходится ожидать не просто роста масштабов внутренней и международной миграции, но также изменений векторов и структуры миграционных потоков, роста доли гуманитарных и вынужденных категорий мигрантов, изменения формата международной трудовой миграции, формирования новых миграционных коридоров

вых центров экономического роста. Одновременно нарастают общая политическая неустойчивость и вероятность вооруженных конфликтов за зоны влияния и ресурсы. Все это неизбежно скажется на человеческой мобильности в мире в ближайшие десятилетия. Приходится ожидать не просто роста масштабов внутренней и международной миграции, но также изменений векторов и структуры миграционных потоков, роста доли гуманитарных и вынужденных категорий мигрантов, изменения формата международной трудовой миграции, формирования новых миграционных коридоров. К этому нужно быть готовым – для того и выстраиваются миграционные стратегии государств.

В последние два года в результате начала открытого военного столкновения с Украиной и введения западными странами санкций против России существенно изменились миграционные тренды. Увеличился поток беженцев и вынужденных мигрантов с Украины: Россия приняла порядка 3 млн украинцев, что потребовало внесения соответствующих корректив в миграционное законодательство. Случился всплеск эмиграции из России, так что по итогам 2022 г. Россия впервые с 1970-х гг. имела отрицательный миграционный баланс. Причины этого всплеска были разными: отчасти это была паническая миграция, связанная со страхом, неприятием проведения СВО или стремлением избежать мобилизации; это была также вынужденная миграция, связанная с осложнением или невозможностью работать в России из-за введенных санкций или перемещением в другие страны международных и иностранных компаний вместе с российским персоналом. Наконец, тренд, который мы наблюдаем прямо сейчас, – это сокращение притока трудовых мигрантов в Россию в 2023 г., прежде всего вследствие ослабления курса рубля.

Но важнее другое: в условиях экономической и политической неопределенности в России в основных странах, поставляющих трудовых мигрантов на российский рынок труда, – это Узбекистан, Таджикистан и Киргизия – ускорилось формирование альтернативных миграционных векторов. В рамках политического курса этих стран на «многовекторность» реализуется политика диверсификации миграционных потоков и дистанцирования от России. В последние годы правительства стран Центральной Азии заключили соглашения о трудовой миграции с Южной Кореей, Саудовской Аравией, Великобританией, Турцией, Германией. Пока эти альтернативные потоки относительно немногочисленны, но они быстро растут.

Этот тренд активно поддерживается и «внешними игроками». Новая, пересмотренная в 2019 г. Стратегия действий Европейского союза в Центральной

Азии в качестве одной из целей указывает на необходимость «наращивать сотрудничество в сфере миграции» и создавать условия для диверсификации направлений трудовой миграции из стран Центральной Азии. Речь идет о содействии трудоустройству граждан стран региона в других государствах, помимо России. Мне видится за этими действиями расширение арсенала механизмов реализации стратегической цели ослабить Россию по самым разным направлениям – в частности, лишить необходимых ей дополнительных трудовых ресурсов, а также нанести урон евразийской интеграции.

Именно внутрирегиональная трудовая миграция является одной из важнейших «скреп» постсоветского пространства: в ней равно заинтересованы и принимающие мигрантов страны, и страны-доноры. Недаром в рамках Евразийского экономического союза свобода перемещения и трудоустройства граждан гарантирована всем странам-участницам с момента его возникновения, в отличие от большинства интеграционных объединений в других регионах мира.

В условиях, когда над сложившимися формами миграционного взаимодействия в постсоветском регионе находятся под угрозой, России особенно важно артикулировать свои стратегические цели в миграционной сфере и выстроить такой «концептуальный каркас» миграционной политики, который отвечает требованиям сложившейся демографической ситуации, интересам социально-экономического развития и укреплению евразийской интеграции. Отсутствие подобного «каркаса» продолжает оставаться наиболее слабой чертой российской миграционной политики, поэтому мне приходится констатировать, что большинство положений в упомянутых Вами «Предложениях к миграционной стратегии...»¹, призывающих к обеспечению внутренней логики миграционной политики и ее увязке с целями других направлений внутренней и внешней государственной политики России, сохраняют свою актуальность.

Сейчас мы наблюдаем, что острота миграционной темы в России накаляется. И это ставит особые задачи и перед государственными структурами, вовлеченными в управление миграционными процессами, и перед обществом. Осенью этого года в СМИ резко обострилась тема криминальности мигрантов, подчеркивается откровенно вызывающий характер правонарушений со стороны мигрантов в отношении российских граждан, в том числе подростков и представителей правоохранительных органов. Рост уровня преступности среди мигрантов признает и Министерство внутренних дел. Похоже, что разыгрывается «миграционная карта» с целью дестабилизации ситуации в России, разлома общества по этническому и религиозному признаку и провокации внутривнутриполитического взрыва.

... миграционный
фактор
способен играть
дестабилизирующую
роль, особенно
в том случае,
когда пребывание
мигрантов в стране
не поддерживается
системой
интеграционных
институтов, а
отдается на откуп
теневым структурам,
этническим
организациям и
диаспорам.

1 Ивахнюк, И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года // РСМД. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (дата обращения: 12.10.2023).

Это лишний раз говорит о том, что миграционный фактор способен играть дестабилизирующую роль, особенно в том случае, когда пребывание мигрантов в стране не поддерживается системой интеграционных институтов, а отдается на откуп теневым структурам, этническим организациям и диаспорам.

С.М.: И в академических исследованиях, и в экспертных выступлениях, и в публикациях в медиа миграцию рассматривают, как правило, сквозь призму двух подходов. Один можно условно определить как экономический. Привлечение свежей рабочей силы, обновление рынка труда рассматриваются как необходимое условие некоего прогресса. Другой подход можно назвать «секьюритизацией миграции», когда перемещение больших масс населения из одной страны (региона) в другую видится прежде всего как конфликтогенный потенциал – угроза «традиционному укладу», разрушение сложившихся идентичностей. Как найти баланс между этими подходами? И возможен ли он в принципе?

И.И.: В этом вопросе скрыт другой, очень важный вопрос: в чем состоит эффективная миграционная политика? От того, через призму какого подхода смотрят миграционные власти на происходящие миграционные процессы, зависит общая «философия» государственной миграционной политики и соответствие миграционных законов общей стратегии развития страны.

В управлении миграционными процессами неизбежно сталкиваются не две, а три конкурирующие друг с другом цели: (1) экономический прагматизм; (2) национальная безопасность; (3) права человека. Первая цель подразумевает приоритет экономических (и демографических) интересов страны, вторая ставит во главу угла соображения национальной безопасности, а третья означает гуманитарный подход, основанный на равенстве и уважении прав человека при соблюдении баланса прав мигрантов и коренных жителей.

В идеале эффективная миграционная политика представляет собой баланс всех трех целей, что обеспечивает интересы и государства, и общества, и мигрантов. В такой идеальной модели критерием эффективности управления миграцией, будь то регулирование въезда в страну, политика в области предоставления гражданства или политика в отношении трудовых мигрантов, является то, насколько оно обеспечивает комфортность и безопасность жизни, причем как местных жителей, так и мигрантов.

Однако едва ли эта идеальная модель встречается в реальности в силу объективной внутренней противоречивости ее факторов. Скорее эти цели сменяют друг друга в зависимости от конкретной ситуации. В России, например, за последние 30 лет ее истории успели смениться периоды, когда миграционная политика руководствовалась гуманитарными соображениями и правами человека (первая половина 1990-х), когда верх брали аргументы национальной безопасности (2002–2007), когда во главу угла были поставлены интересы экономики и бизнеса (2007–2010). 2010-е гг. были фактически периодом жесткой внутривнутриполитической борьбы за степень открытости российского рынка труда и условия натурализации в России, что в результате привело к росту внутренней противоречивости миграционного законодательства.

Стремление к балансу трех целей и составляет суть эффективной миграционной политики. Особенно очевидно это становится сейчас, когда в условиях пошатнувшейся архитектуры мировой политики государства вынуждены искать

пути того, как наиболее гибко реагировать на возникающие миграционные вызовы и наилучшим образом реализовать потенциал международной миграции для целей экономического развития, сохраняя при этом гражданское единство общества. В прагматичной миграционной политике принимающих стран тренд на сдерживание притока мигрантов, определяемый соображениями безопасности, сочетается с относительно открытой политикой в отношении притока определенных категорий мигрантов, жизненно необходимых экономике. А социальное измерение миграционной политики в разных странах зависит от тех традиций в области прав человека, которые в них сформировались.

Замечу попутно, что в терминах безопасности миграцию можно рассматривать не только как угрозу безопасности страны, единству общества и национальной идентичности, но и в качестве средства обеспечения национальной безопасности. Если в России, например, в понятие угроз национальной безопасности включать убыль и старение населения в трудоспособном возрасте и нехватку трудовых ресурсов для осуществления экономических проектов, то привлечение мигрантов представляется важным ресурсом преодоления этой угрозы. А если еще учесть ту роль, которую трудовая миграция играет как фактор евразийской интеграции, то тут вызовы незаконной миграции перекрываются политическим значением укрепления сотрудничества стран. Ведь ни для кого не секрет, что Россия многие годы фактически позволяет миллионам неофициально работающих граждан стран СНГ находиться на своей территории, понимая, какое значение для этих стран, являющихся геополитическими партнерами России, имеет возможность для их граждан работать и зарабатывать в России – это сокращает безработицу на национальных рынках труда, повышает доходы семей мигрантов, снижает уровень бедности, поддерживает социальную стабильность в странах. А социальная и политическая стабильность в постсоветских государствах однозначно отвечает внешнеполитическим интересам России.

С.М.: Пять лет назад Вы по итогам конференции Российского совета по международным делам подготовили аналитический материал по теме «Миграция и международное право»¹. Сегодня и в академической литературе, и в экспертных докладах широко дискутируется вопрос о сломе существующего миропорядка, а также о противопоставлении «правил» праву. На Ваш взгляд, в какой степени миграционные процессы влияли (влияют и будут влиять) на формирование международно-правовых институтов? Помогут ли они (или помешают?) утверждению права вместо «правил»?

И.И.: Транснациональная миграция – это процесс, управление которым подразумевает наличие инструментов / механизмов / институтов, которые осуществляются на двух уровнях: международном (многостороннем и двустороннем) и национальном. За период после Второй мировой войны создан целый арсенал международных конвенций и договоров, которые, будучи рамочными соглашениями, тем не менее способствовали выработке единого языка обсуждения миграционных проблем, формированию общих подходов в понимании форм

1 Ивахнюк, И.В. Миграция и международное право // РСМД. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Law-WP45-Ru.pdf> (дата обращения: 21.10.2023).

межгосударственного сотрудничества в миграционной сфере, определению способов защиты наиболее уязвимых групп мигрантов. При этом политика в отношении допуска в страну иностранных граждан, их пребывания, трудоустройства, получения юридических статусов, допуска к системе социального обеспечения, интеграции в принимающем социуме – это неотъемлемое суверенное право принимающих мигрантов национальных государств.

Такая ситуация скрывает в себе коллизию между международным правом и практической целесообразностью, которой чаще всего руководствуются национальные правительства. Приведу лишь один пример: Глобальный договор о беженцах (2018) включает положение о необходимости «пересмотра правил, предусматривающих уголовное преследование за пересечение границы», однако многие принимающие страны не собираются отказываться от положений национального законодательства, которое предписывает уголовное наказание за нелегальное пересечение границы и тем более организацию таких действий, рассматривая эту меру как одну из форм обеспечения национальной безопасности.

Не будет преувеличением сказать, что международное право является несовершенной основой для регулирования трансграничных перемещений людей, поскольку оно развивалось по частям в течение длительного времени для решения проблем, вызывавших озабоченность в определенные моменты истории. Беженцы, трудовые мигранты, торговля людьми, эксплуатация и дискриминация мигрантов – все эти темы существуют в международном миграционном праве фрагментарно. Попыткой устранения этого несовершенства можно считать оформление принципа уважения прав и свобод человека вне зависимости от его гражданства и правового статуса в качестве фундамента международного миграционного права. Однако в конце концов международные нормы в области прав человека, в центре внимания которых находится равенство всех людей как личностей, находятся в преимуществе перед принципами обычного права в отношении стандарта обращения, которое государство должно предоставлять иностранцам на своей территории. Далеко не все правительства соглашались с этим: многие не готовы отказаться от своих неотъемлемых полномочий определять права иностранных граждан, находящихся на их территории, ставя во главу угла интересы и права своих собственных граждан.

Международное право в сфере миграции создавалось на принципах либерализма, что было естественно во второй половине XX в. Оказалось, однако, что в критических ситуациях принципы либерализма оказываются бессильны в качестве ответа на возникающие в связи с миграцией угрозы, и на первый план выходит принцип прагматизма, реализуемый странами назначения¹. Это хорошо подтверждается примером миграционного кризиса в Европе в 2015 г., когда Европейский союз не сумел найти общий ответ на массовый приток беженцев, позиции стран раскололись, и большинство из них предпочло прагматично «закрыться», несмотря на принципы единого Шенгенского пространства.

1 Подробнее о противоречии либерализма и прагматизма в управлении миграцией см.: Ивахнюк И. Проблемы миграции // Международные отношения: грани настоящего и будущего / [под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023. С. 234–265.

Даже западные ученые и политики признают, что либеральный мировой порядок переживает кризис¹. Причина заключается, видимо, в несоответствии провозглашаемых ценностей и реальной внешнеполитической практики западных идеологов либерализма. В сфере международной миграции это – предложенные миру либеральные ценности Глобального договора по миграции 2018 г., вступающие в очевидное противоречие с построенной стеной на границе между США и Мексикой, скандальной сделкой по беженцам между ЕС и Турцией, влечением конъюнктурных политических факторов в управление миграцией, в частности жестким ограничением выдачи шенгенских виз гражданам Российской Федерации в 2022 г. в ответ на Украинский кризис, отсутствием солидарности между странами-членами ЕС по вопросам миграционной политики и т.д.

Получается, что здание международно-правовых институтов в сфере миграции остается недостроенным и шатким. То, что ему требуется «капитальный ремонт», признается даже Глобальной группой по миграции (GMG), на которую возложена координация деятельности всех глобальных международных агентств, вовлеченных в вопросы миграции. Ситуация осложняется тем, что в периоды нарастания политической напряженности и противостояния между странами даже давно согласованные формы межгосударственного взаимодействия для решения острых миграционных проблем оказываются отвергнутыми.

И тут оказывается, что международное миграционное право – это не более чем те самые «правила», потому что на деле оно оказывается аморфными договоренностями, которые можно применять или не применять в зависимости от политической конъюнктуры. Еще один пример: казалось бы, международное право в отношении беженцев – это самая проработанная и выверенная временем часть международного права в сфере миграции. В мире уже давно существует устоявшийся международный порядок, регулирующий деятельность государств, столкнувшихся с притоком беженцев. Среди прочего он предусматривает оказание таким государствам международной помощи по линии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международного комитета Красного Креста и других гуманитарных организаций. Однако Россия, которая испытала на себе приток сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев с Украины в середине 2010-х гг. в связи с военными действиями в Донбассе, оказалась фактически один на один с этой проблемой, не получая никакой помощи и поддержки от международных организаций.

Поскольку политическая турбулентность в мире в силу складывающихся обстоятельств будет возрастать, едва ли следует ожидать, что миграция станет более упорядоченной. Будучи очень многогранным явлением

И тут оказывается, что международное миграционное право – это не более чем те самые «правила», потому что на деле оно оказывается аморфными договоренностями, которые можно применять или не применять в зависимости от политической конъюнктуры.

1 Francis Fukuyama, "A Country of their Own. Liberalism Needs a Nation," Foreign Affairs, May–June, 2022, accessed August 28, 2023, <http://surl.li/nrzh1>.

по своим причинам и последствиям, международная миграция может скорее добавить неустойчивости турбулентному миру, чем снизить ее. Так что в мировой политической повестке управление миграцией, видимо, будет занимать устойчивое место, но реальные формы такого управления будут скорее реализовываться на национальном и региональном уровнях (с присущими им нормами миграционного права), нежели на глобальном.

С.М.: Начиная с 2014 г. тема миграционного кризиса в Европе является одной из ключевых для специалистов Вашей сферы. Можем ли мы говорить, что миграция в страны ЕС способствует «закату Европы», или ситуация не столь однозначна? Какие уроки европейские страны извлекли из кризиса, и в чем их ошибки? Или миграционный наплыв в Старый свет неизбежен и бороться с ним нужно явно не с помощью жестких квот, пограничных кордонов и полицейских облав? И если нужны иные средства реагирования на данный вызов, то какие?

И.И.: Миграция в Европу была в фокусе исследователей задолго до 2014 г. Европейский союз является центром одной из крупнейших мировых миграционных систем, в которой страны-доноры представлены многочисленными государствами и на Евразийском континенте, и в Африке. Но если привлечение гастарбайтеров в 1960-х гг. носило относительно организованный характер, то позднейшие миграционные волны становились все более массовыми и хаотичными. При этом государства Западной Европы проводили относительно открытую политику в отношении иммиграции, в том числе из мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки. В результате Европа стала домом для более 25 млн мигрантов-мусульман. Это число быстро растет в результате как продолжающегося миграционного притока, так и высокой рождаемости среди мусульманской диаспоры. Согласно прогнозам, при сохранении открытой миграционной политики число мигрантов-мусульман в Европе к 2050 г. увеличится до 75 млн чел.

В самом начале XXI в. исследователи-демографы пытались привлечь внимание к тому, что на фоне отрицательного естественного прироста коренного европейского населения происходит его постепенная замена мигрантами иной этнической и конфессиональной принадлежности. Именно об этом говорят концепция «третьего демографического перехода в Европе» Дэвида Коулмена¹ и демографические расчеты Гуннара Хайнзона, который называет разрыв в демографических моделях молодого мусульманского и неспособного противостоять ему стареющего европейского населения «демографическим сбоем» в Европе².

Миграционный кризис 2015 г. и происходящая сейчас на наших глазах новая волна незаконной миграции в Европу из тропической Африки и с Ближнего Востока – это лишь новые всплески тенденции, которая сформировалась уже давно.

Растущая доля мусульманского населения в Европе уже превратилась в реальную проблему: об этом, например, свидетельствуют происходящие в евро-

1 Coleman, David. "Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition." *Population and Development Review* 32, no. 3 (2006): 401–446.

2 Heinsohn, Gunnar. *Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Orell Füssli, 2003.

пейских столицах многотысячные демонстрации мусульман в поддержку народа Палестины в октябре 2023 года. Тем временем власти европейских стран предпочитают не замечать очевидного. Официальные данные о доле мигрантов из исламских стран в европейских городах явно занижаются. Складывается впечатление, что в европейском аналитическом пространстве дискуссия о вызове ислама в Европе табуирована. Доведенная до абсурда политкорректность не позволяет прямо указывать на то, что предлагаемые в Европе модели интеграции мигрантов наталкиваются на неприятие именно мигрантами-мусульманами. Какая-либо критика ислама фактически запрещена, поскольку ислам – это религия народов, прежде колонизированных европейцами, и такая критика ассоциируется с расизмом.

Но эксперты хорошо понимают, что противостояние между коренными европейцами и мусульманами неизбежно и непреодолимо хотя бы по причине несовпадения ценностных ориентаций и установок, присущих иммигрантам – людям коллективистской культуры, – и менталитета принимающего общества, тяготеющего к индивидуалистским стереотипам. Также имеют значение прочные связи мусульманской диаспоры со странами исхода и ее идеологизированность: «конфессиональная, духовная общность проявляется не только в самосознании, она принимает характер объединительной идеи»¹, так что не следует ожидать, что мусульмане «растворятся» в либеральной европейской идеологии.

Хаос, возникший в 2015 г. в связи с массовым наплывом беженцев из Сирии, Афганистана и других стран Ближнего Востока и Северной Африки и существованием Дублинского регламента², усилил в условиях миграционного кризиса разногласия между странами-членами Европейского союза. Ряд «молодых» членов ЕС – страны Центральной и Восточной Европы, – ссылаясь на отсутствие исторического опыта интеграции иноэтничных мигрантов, отказались принимать беженцев из мусульманских стран в соответствии с принципом «разделения бремени» и сумели настоять на своем. Исламский фактор становится все более отчетливой разделяющей линией между Западной и Восточной Европой: изменение социокультурного облика Западной Европы в результате исламизации пугает восточных европейцев, пытающихся защитить свою национальную и европейскую идентичность. Вообще отношение к миграции в Европу является одним из факторов, играющих реально дезинтегрирующую роль в Европейском союзе.

Исламский фактор становится все более отчетливой разделяющей линией между Западной и Восточной Европой: изменение социокультурного облика Западной Европы в результате исламизации пугает восточных европейцев, пытающихся защитить свою национальную и европейскую идентичность. Вообще отношение к миграции в Европу является одним из факторов, играющих реально дезинтегрирующую роль в Европейском союзе

1 Мусульмане в иноконфессиональной среде / под ред. В.В. Наумкина. М: РЦСМИ, 1995.

2 Дублинский регламент ЕС (Dublin Regulation N604/2013 of the European Parliament) определяет ответственность государств за выдачу ходатайств о политическом убежище. Ответственным государством признается то, куда въехал беженец, где подал прошение и сдал отпечатки пальцев. Как только мигрант выехал в третью страну, ее правительство имеет право депортировать его.

Не нам обсуждать, какие средства реагирования на миграционный вызов предписывать Европе. Европейцы сами выбирают свой путь. Вновь скажу – все зависит от того, какие ставятся стратегические приоритеты. Европейские политики, конечно, пытаются искать баланс между экономической целесообразностью притока мигрантов, соображениями безопасности и верностью принципам обеспечения прав человека, о чем мы с Вами уже говорили, но произнесенный Ангелой Меркель лозунг «Мы справимся!» представляется им надежным «оберегом». На данном этапе ценность человеческого ресурса берет верх. А заглядывать далеко в будущее они, похоже, просто не хотят. Показательны в этом плане недавние слова главы весьма авторитетного Международного центра развития миграционной политики (ICMPD) со штаб-квартирой в Вене Микаэля Шпинделеггера: «Европа уже находится в эпицентре глобальной битвы за трудовые ресурсы, которая со временем будет только ужесточаться».

С.М.: В 2004 г. увидела свет весьма спорная, если не сказать провокационная книга Самюэля Хантингтона (1927–2008) «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности»¹. В этом труде автор предрекал, что наплыв выходцев из Мексики, стран Карибского бассейна и Южной Америки на территорию США приведет к эрозии традиционной американской идентичности и ценностей этой страны. Вывод известного ученого был неутешительным: «американскую мечту» ждут тяжелые испытания. Сегодня и в России, и на Западе много и охотно пишут о «закате США». Какую роль в этом играют миграционные процессы? И не пытаемся ли мы порой выдавать желаемое за действительное, говоря о скорой гибели Штатов вследствие приезда туда представителей разных народов? Ведь США – страна иммигрантов, она ими создана, пережила немало наплывов разных этнических и религиозных групп, не говоря уже о многочисленных предсказаниях «размывания» американской идентичности.

И.И.: Вы верно отметили, что США – страна иммигрантов, она исторически создавалась иммигрантами (хотя в самой Америке их предпочитают называть «поселенцами»), и менталитет нации во многом сформирован под воздействием этой реальности. Американские власти подходят к вопросу миграции очень обстоятельно. Проводится огромное количество исследований по миграционной теме, в том числе по заказу государственных структур, для научного обоснования миграционных реформ. Нельзя не признать, что США накопили огромный опыт управления миграционными процессами. Но он не во всем положительный. Незаконное пребывание в стране порядка 10 млн мигрантов, главным образом из латиноамериканских стран, остается острой проблемой в течение десятилетий, и справиться с ней с помощью возведения стены на границе – это наивная и отчаянная мера.

Мне вспомнился в этой связи один эпизод из моего личного опыта. Весной 2006 г. мне довелось читать лекции в Монтерейском институте международных исследований в Калифорнии. Именно в это время проходили слушания в Конгрессе по миграционной реформе и борьбе с незаконной миграцией. Вы бы

1 Huntington, Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. New York: Simon & Schuster, Inc., 2004.

видели, какие огромные многодневные демонстрации проходили в калифорнийских и других американских городах против предлагавшегося законопроектом введения факта незаконного нахождения на территории США в поле уголовного права! Я поначалу недоумевала, почему демонстранты так решительно выступают против борьбы с незаконной миграцией, но коллеги мне объяснили, что демонстранты – это дети тех самых незаконных иммигрантов, они родились уже в США, являются легальными гражданами, получили образование, заняли свое место в обществе и экономике страны. Они протестовали против того, чтобы их родителей и соотечественников объявляли уголовными преступниками с соответствующими последствиями. Наоборот: они призывали к предоставлению возможности легализации тем, кто долгое время проживает в США. А Калифорния – это, пожалуй, самый «мигрантский» штат в США. Демонстранты напоминали при этом, что они являются избирателями, что очень немаловажно в Америке. И антииммигрантский законопроект так и не был тогда принят! Это ярко продемонстрировало мне, какой мощной политической силой является в США испаноязычная часть населения. Потом уже я узнала, что эти протестные акции получили название «Великий американский бойкот».

Самуэль Хантингтон – один из тех американских исследователей, кто смотрел на мир и общество через призму конфликта. Конфликта цивилизационного, расового, религиозного, этнического. Все мы знаем его книгу «Столкновение цивилизаций» (1996)¹. А в своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» (2004) он обстоятельно анализировал феномен мексиканской и – шире – латиноамериканской миграции в США и указывал на особо болезненные моменты, отличающие латиноамериканцев от мигрантов из других стран. Так, они в наименьшей степени готовы изучать английский язык, желая сохранить испанский, они не стремятся легализовать свое положение и имеют гораздо более низкий уровень натурализации, наконец, они могут заявить исторические притязания на американскую территорию. В этом автору виделась серьезная угроза единству американской нации. При этом Хантингтон отверг те метафоры, которыми в разные периоды характеризовалась американская парадигма интеграции иммигрантов с принимающим обществом, – «плавильный котел» и «салат», утверждая, что там, где нет притяжения «истинной англо-протестантской культуры», не может быть никакой интеграции.

Взгляды Хантингтона на латиноамериканскую миграцию в США подверглись серьезной критике в самих Соединенных Штатах: его обвиняли в претенциозности, ксенофобии и национализме. Это оказалось тем более справедливо, что давление мексиканской и латиноамериканской миграции на США со временем снизилось. Тенденции последнего десятилетия таковы, что масштабы и векторы международной миграции на Американском континенте существенно изменились. Если раньше миграционные потоки были направлены преимущественно на Соединенные Штаты, то сейчас успешный экономический рост в Мексике, Колумбии, Перу, Бразилии превратил эти страны в центры притяжения мигрантов из других латиноамериканских стран, переживающих экономические

1 Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, Inc., 1996.

и политические потрясения. Кроме того, явно наметился поток возвратной семейной миграции из США в Мексику и страны Южной Америки¹.

Все это не снимает вопроса о том, что испаноязычное население США представляет собой важную экономическую и политическую силу. Численность и доля его растут благодаря более высокой рождаемости и молодой возрастной структуре. Сейчас испаноязычное население составляет порядка 20% населения США,

а в юго-западных штатах достигает почти половины. Некоторые американские исследователи склонны считать этот рост доли латиноамериканского населения результатом провала миграционной политики США, допустившей его².

Но если и говорить о возможном «закате США», то не миграция лежит в его основании. Есть другие, макроэкономические, геополитические, а также внутривластные проблемы, которые действительно представляют собой вызов для будущего развития США. А в отношении воздействия мигрантов на эволюцию американской нации, думаю, правильно будет сказать так: демография миграции кардинально меняет структуру населения США; латиноамериканизация страны – это объективный процесс, он будет продолжаться не столько из-за миграционного притока, сколько из-за внутреннего роста населения с латиноамериканскими корнями; соответственно, социально-культурная структура страны будет меняться; испанский язык уже не сдаст свои позиции.

Может произойти постепенное раздвоение нации в культурном и лингвистическом плане. Это будет другая Америка. Не факт, что хуже. Быть может, традиционные католические ценности испаноговорящих американцев спасут Америку от предрекаемого ей «заката».

... демография миграции кардинально меняет структуру населения США; латиноамериканизация страны – это объективный процесс, он будет продолжаться не столько из-за миграционного притока, сколько из-за внутреннего роста населения с латиноамериканскими корнями...

Цитирование

Ивахнюк, И.В. Международная миграция в России и в мире: новые тренды и перспективы // Международная аналитика. 2023. Том 14 (3). С. 11–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-11-22>

For citation

Ivakhnyuk, I.V. "International Migration in Russia and Worldwide: New Trends and Prospects." *Journal of International Analytics* 14, no. 3. (2023): 11–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-11-22>

1 Andrew Selee, Valerie Lacarte, Ariel G. Ruiz Soto, Diego Chaves-González, María Jesús Mora, and Andrea Tanco, "In a Dramatic Shift, the Americas Have Become a Leading Migration Destination," Migration Policy Institute, April 11, 2023, accessed 23 October, 2023, <https://www.migrationpolicy.org/article/latin-america-caribbean-immigration-shift>.
 2 Massey, Douglas. "America's Immigration Policy Fiasco: Learning from Past Mistakes." *Daedalus* 142, no. 3 (2013): 5–15.